

СОЦИОЛОГИЯ: ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ПИТЕРОМ ХЕДСТРЁМОМ

— *Как Вы стали социологом? Было ли это Вашей мечтой с ранних юношеских лет или более поздним решением? Может быть, Ваша семья вдохновила Вас на выбор профессии?*

— Моя семья не оказала решающего влияния на выбор моего жизненного пути. Я родился и рос в семье, где не было традиции получения университетского образования: все члены моей семьи (родители, другие дети) получили только обязательное школьное образование. Из моих родных только один человек, двоюродный брат моей матери, окончил университет и стал стоматологом.

Думаю, что я сделал академическую карьеру благодаря воздействию «эффекта соседей». Родился я в небольшом городке на севере Швеции, но когда мне было девять лет, мы переехали в Стокгольм. У нас была квартира в небольшом многоквартирном доме, окруженном дорогими особняками на одну семью. В целом это был район для людей с достатком. Понятно, что большинство моих друзей детства были из семей, где родители были хорошо образованными. Полагаю, что именно эта среда повлияла на меня таким образом, что университет стал для меня естественным выбором после окончания школы.

Что касается моего обращения к социологии, должен сказать, что в Швеции социология как учебная дисциплина существовала лишь в университетах. Я ничего не слышал о ней в школе. До того времени, когда я переступил порог Стокгольмского университета, я не знал, что изучает эта наука. Поэтому я начал университетскую подготовку, полный уверенности, что хочу стать экономистом. Но вскоре я понял, что экономика не отвечала моим запросам. Поэтому я переключился на программу изучения социальной работы. Именно там я столкнулся с социологией в первый раз. Социология показалась мне удивительно интересной, и я решил специализироваться в этой сфере.

Хотя к тому времени, когда я поступил в университет, студенческие волнения уже закончились, «левый» дискурс все еще доминировал на интеллектуаль-

Питер Хедстрём — профессор социологии, директор Института исследований будущего, Стокгольм, Швеция (peter.hedstrom@iffs.se; <http://www.iffs.se/en/researchers/peter-hedstrom/>)

Peter Hedstrom — Professor of Sociology, Director of the Institute for Futures Studies, Stockholm, Sweden (peter.hedstrom@iffs.se; <http://www.iffs.se/en/researchers/peter-hedstrom/>)

ной сцене в Швеции, особенно в университетах. Студенты в середине 1970-х гг. все еще чувствовали ответственность не только за то, чтобы не только «понять мир, но и изменить его». Этот социальный климат явно был важной причиной, по которой я стал социологом.

— *Почему Вы приняли решение учиться и получить ученую степень в США, а не в Европе? Означает ли это, что Вы считали американскую социологию мейнстримом? Каково Ваше мнение об американской системе социологического образования в сравнении с европейской системой?*

— Изначально я приехал в США по студенческому обмену на кафедру социологии Гарвардского университета и предполагал остаться там всего на год. Однако в течение этого года я узнал так много о преимуществах элитных университетов в США, что решил получить докторскую степень в Гарвардском, а не в Стокгольмском университете. Тема моей диссертации «Структуры неравенства».

Время моего пребывания в Гарварде было чрезвычайно увлекательным периодом жизни. Оно полностью изменило мои профессиональные интересы, как и мой взгляд на академическую жизнь. В то время в Гарварде преподавали такие харизматические личности, как Дэниэл Белл и Харрисон Уайт. Была целая плеяда блестящих выпускников, которые позднее заняли влиятельные должности в американской академической системе.

Думается, что различия в качестве подготовки студентов между лучшими американскими и европейскими университетами тогда были больше, чем сейчас, однако я все еще считаю, что лучшие американские факультеты предоставляют намного более широкие и глубокие знания, чем лучшие европейские факультеты.

— *Кого бы Вы назвали своими учителями, вдохновлявшими Вас в учебе?*

— Таких людей несколько. На самой ранней стадии моей учебы, еще до отъезда в США, на меня огромное влияние оказали два шведских профессора, Вальтер Корпи и Стен Йохансон. Хотя оба они были тесно связаны с социал-демократической партией, но придерживались сугубо научного подхода в своих исследованиях. Они полагали, что иметь свое мнение важно, но это мнение должно быть научно хорошо обосновано, если вы ожидаете, что другие люди отнесутся к нему серьезно.

В Гарварде таким учителем для меня был Дэниэл Белл. Он читал у нас обязательный курс по социальной теории и оказал на меня большое влияние — не напрямую, т. е. в выборе теорий и методов исследования, но в намного более важном вопросе: он показал, что значит быть ученым, и в особенности — ученым из Гарварда. Не уверен, что он сознательно стремился создать такое впечатление, но он был отличным преподавателем в том смысле, что заставил нас, студентов, почувствовать себя частью особой, тщательно подобранной группы исследователей. Именно поэтому он в значительной мере способствовал росту наших амбиций и ожиданий относительно того, что мы должны были совершить в нашей профессиональной жизни.

Харрисон Уайт также стал важным источником моего профессионального вдохновения. Не всегда было легко понять, что именно он хотел нам сказать, но

среди всех его сложных для понимания утверждений были блестящие озарения, которые показывали связь между разными теоретическими традициями и сферами исследования, о которой никто прежде не думал. Под его влиянием у многих из нас появился интерес к социальным структурам и сетевому анализу.

— *Кого еще Вы бы могли назвать в качестве «модели» (в ближайшем или дальнем окружении) в годы университетской учебы или позднее?*

Возможно, единственный человек, чье влияние на мое мышление было достаточно продолжительным, — это Йон Элстер. Еще учась на младших курсах, я читал его раннюю критику (на норвежском языке) функционалистских и марксистских теорий государства. Его акцент на важности, ясности и точности интеллектуальных аргументов произвел на меня глубокое воздействие, включая сферу аналитической социологии.

Другим человеком, который служил мне в какой-то мере «моделью», был Джеймс Коулмен. Его усилия понятным образом связать социальную теорию и количественные исследования всегда служили для меня образцом. Мне повезло поработать с Коулменом в Университете Чикаго.

— *Какую социальную теорию или теории Вы считали «правильной» и хотели бы ей следовать на ранних ступенях своей карьеры?*

— Принимая во внимание мое первоначальное образование, где основное внимание уделялось количественным методам, а также учитывая влияние Элстера и других, сходно с ним мыслящих социальных теоретиков, можно понять, почему у меня всегда были проблемы с европейской социальной теорией: с точки зрения моих интересов, она всегда казалась мне слишком туманной и невразумительной. В те годы теория как классификационная схема была для меня намного более приемлемой, чем сегодня. Например, длинная вступительная глава Сеймура Липсета и Стейна Роккана к книге о партийных системах и разделении избирателей на группы (Lipset, Rokkan 1967) показалась мне чрезвычайно вдохновляющей (кроме того раздела, где авторы пытались соединить собственную работу с парсонсовской схемой AGIL), и еще в молодости я намного больше интересовался «безакторными» теориями, чем сегодня.

— *Какие книги особенно сильно повлияли на Вас в молодости и какие Вы более всего цените сегодня?*

— На первую часть вопроса я уже почти ответил, но, кроме того, когда я был юн, огромное влияние на меня оказал Томас Шеллинг и его анализ связей между «микро» и «макро». Думаю, его книга «Микромотивы и макроповедение» (Shelling 1978) может быть одной из наиболее важных книг, когда-либо написанных по социологии, хотя сам он по образованию экономист, а не социолог.

Работа Коулмена «Основания социальной теории» — еще одна книга, на которую стоит обратить большое внимание. Автор ставит перед собой монументальную задачу; кроме того, в ней можно найти множество интересных идей. При этом, несмотря на мое огромное уважение к этому выдающемуся интеллектуальному достижению, в книге есть много аспектов, с которыми я не согласен. Особенно я не могу согласиться с сильной приверженностью Коулмена теории рационального выбора и социальному инструментализму по отношению к социальному реализму.

Что касается трудов Элстера, мне трудно назвать какую-либо одну из его книг; могу сказать, что такие его книги, как «Уллис и сирены», «Кислый виноград» и «Объясняя техническое изменение» (Elster 1979; 1983a; 1983b) оказали большое влияние на развитие моего мышления.

— *Вы повсеместно известны как один из основателей «аналитической социологии». Где и каким образом Вы начали развивать проект аналитической социологии? Кого Вы считаете своими главными оппонентами в защите этой теоретической позиции?*

— Трудно назвать какую-то конкретную «дату рождения» аналитической социологии. Это был длительный, постепенный процесс. Какое-то время я считал, что основные идеи аналитической социологии были сформулированы в 1996 г., когда мы с Ричардом Сведбергом редактировали книгу «Социальные механизмы: аналитический подход к социальной теории». Однако, возвращаясь назад к моим ранним работам, я вижу, что уже тогда я занимал практически те же позиции, только не использовал термин «аналитическая социология». Моя вышедшая в 2005 г. книга «Рассекая социальное: о принципах аналитической социологии» (Hedström 2005) является, несомненно, наиболее ясным и четко выраженным проявлением данного подхода; договор на написание этой работы был подписан еще в 1999 г. Работая над этой книгой, я представлял себе три типа мысленных оппонентов: 1) социальные теоретики, которые не затрудняют себя тем, чтобы попытаться четко и ясно выразить свои ключевые идеи и аргументы, 2) исследователи-«количественники», которые ориентированы на реификацию мира и считают, что социальные изменения вызываются переменными, а не акторами, 3) защитники «теории», представляющие ее как статичную типологию, а не набор механизмов, посредством которых порождается социальное изменение.

— *Как бы Вы объяснили преимущества аналитической социологии (если таковые имеются) по сравнению с другими социальными теориями?*

— Я убежден, что мы стоим на пороге интеллектуального прорыва в социологии. Впервые у нас есть возможность рассматривать классические вопросы социальных изменений аргументированно. Комбинация накопленных преимуществ в нашем мышлении и различных достижений технического прогресса сегодня позволяет нам анализировать социальные изменения как комплексную развивающуюся систему, каковой она является. В то время как социологи еще со времен Маркса были уверены в важности «диалектики» между структурами и действием, до настоящего времени мы не могли с точностью и ясностью анализировать такие сложные социальные процессы: то, как на индивидуальные действия влияют социальные структуры, в которые они включены, и как эти действия порождают изменения в тех же самых структурах. Технические преимущества, которые я имею в виду, — развитие компьютеров достаточной мощности и с таким программным обеспечением, которое позволяет социологам моделировать поведение акторов и симуляции того, как сложные социальные системы, возможно, будут развиваться, принимая различные допущения о логике поведения индивидов. Использование этих так называемых симуляционных моделей, основанных на агентности акторов, вероятно, чрезвычайно

вырастет в ближайшие годы и, бесспорно, трансформирует многие отрасли социологии. Ключевые слова аналитической социологии, передающие сущность ее «ядра», — это: ясность, точность, действия, социальная динамика, связи между «микро» и «макро».

Лично я не вижу никакой другой жизнеспособной теоретической альтернативы аналитической социологии. Мне представляется, что если аналитическая социология будет неспособна решить поставленные перед ней задачи, альтернативой ей будет не какая-то другая социальная теория или теоретический подход, но простое описание. Я, конечно, не буду глубоко сожалеть, если подобное случится, поскольку хорошие описания могут быть очень полезными, и, возможно, именно в описаниях профессия социолога проявляется в наибольшей мере, однако наука, лишенная убедительных объяснений, обедняется и не может представлять существенного интеллектуального интереса.

— *Каково сегодняшнее состояние аналитической социологии, с Вашей точки зрения? Полагаете ли Вы, что она уже занимает одну из лидирующих позиций в теоретической социологии и предоставляет больше объяснительных возможностей, чем любая другая теоретическая рамка?*

— Думаю, что она демонстрирует признаки того, что находится «в весьма добром здравии». Качество наших ежегодных международных конференций значительно выросло с тех пор, как 6 или 7 лет назад была организована первая такая конференция; ключевые тексты по аналитической социологии получают широкое внимание, отражаемое в статистике цитируемости; позиции аналитической социологии наиболее сильны среди молодых социологов. Все это вместе взятое показывает, что у аналитической социологии очень хорошее будущее.

— *Как бы Вы сами представили свой вклад в глобальную социологию? Какие из своих опубликованных работ (книг, статей) Вы рассматриваете как самые важные для себя и развития современной социологии?*

— Хотя я переработал бы некоторые части книги «Рассекая социальное» — если бы писал ее сегодня — эта книга, бесспорно, является наиболее важной работой как для меня лично, так и для аналитической социологии. Что касается статей, то наиболее важной я бы назвал статью, написанную вместе с Петри Иликости и опубликованную в этом номере (Hedstrom, Ylikoski 2010).

— *Занимаетесь ли Вы в настоящее время преподаванием социологии? Считаете ли Вы преподавание важной частью социологической профессии? Какие курсы Вы преподавали (преподаете) и где? Как бы Вы оценили ситуацию с преподаванием социологии в целом?*

— Как правило, в течение года я преподаю один курс для аспирантов, обычно это курс по аналитической социологии. Я преподавал этот курс в Оксфорде, а теперь — в Стокгольмском университете. В прошлом я преподавал больше разнообразных курсов, от социологической теории до сетевого анализа и количественных методов. Хотя сейчас я уже не преподаю так много, как раньше, но полагаю, что преподавание — главный вклад социологов в общественное благо. Наши курсы учат студентов быть критичными, оценивать любые доказатель-

ства критически, мыслить аналитически и рассматривать поведение и события в их истинном социальном контексте. Никакая другая дисциплина этого не дает.

— *После того, как Вы много лет провели за пределами Швеции, в 2011 г. Вы согласились стать директором Института исследований будущего в Стокгольме. Эта должность предполагает активное участие в деятельности шведского научного сообщества. В связи с этим назвали бы Вы себя «публичным социологом», следуя определению М. Буравого? Или академическим социологом (в этом случае — сторонником внутриакадемической критической социологии или внеакадемической публичной социологии)?*

— Я всегда был и остаюсь внутриакадемическим социологом. Институт, в котором я работаю директором, помимо академической, занимается и публичной социологией, и как директор я стараюсь делать все от меня зависящее, чтобы эта часть работы института тоже процветала. Однако я стараюсь четко разделять исследования, в академическом смысле этого слова, и различные формы внешней активности, направленные на стимуляцию общественных дискуссий в различных форматах. Оба вида социологии важны, но между ними должны поддерживаться четкие различия, если исследователи хотят сохранять доверие к своей работе.

Итак, я рассматриваю себя как социолога вполне традиционного академического типа, но мне всегда представлялось важным соединять теоретическую и эмпирическую деятельность. Пока еще я не провел ни одного исследования в одиночку, самостоятельно, но в настоящее время мы обсуждаем, можем ли мы провести одно такое исследование в рамках большого проекта по проблемам сегрегации.

— *Каким традициям и привычкам в своей работе Вы следуете?*

— Как директор института, я стараюсь бывать на работе ежедневно, хотя бы с 9 утра до 5 часов вечера. Многие ученые умудряются найти время для повседневного чтения и написания научных трудов, но этот стиль мне присущ никогда не был. Мне легко писать, но само по себе писание и публикация трудов никогда не были моим главным мотивирующим фактором. Мне всегда необходимо вдохновение, и оно приходит ко мне лишь тогда, когда я чувствую, что могу сказать что-либо новое и важное. Мне кажется, что наша профессия выиграла бы, если бы мы больше внимания уделяли качеству своей работы. Это напоминает мне один разговор, который состоялся у меня с великолепным джазовым музыкантом Редом Митчеллом, много лет прожившим в Стокгольме. Однажды мы разговаривали с ним о технически виртуозном гитаристе Стенли Джордане. Ред был совершенно не впечатлен им; он считал, что Джордан звучит просто как два плохих гитариста, играющих одновременно. По этой же причине я никогда не понимал, почему такое большое внимание уделяется научной продуктивности самой по себе: количество никогда не сможет компенсировать качества.

— *Вы были редактором нескольких известных социологических журналов (Acta Sociologica, American Journal of Sociology, Annual Review of Sociology, Rationality and Society). Что бы Вы порекомендовали авторам из «незападных» стран, которые*

хотели бы опубликоваться в таких престижных журналах? Вы согласны, что язык все еще остается разделяющим фактором или, напротив, качество играет ключевую роль в процессе отбора статей?

— За исключением скандинавского журнала *Acta Sociologica*, все журналы, с которыми я был связан, базировались в США. Поэтому для меня совершенно ясно, что статьи, посвященные США, нуждаются в меньшем времени прохождения по разным ступеням рецензирования перед тем, как будут приняты в эти журналы. Эмпирические данные сами по себе считаются существенно важными для гарантии публикации, если это касается США, но если статья использует данные из других стран, они не будут цениться так же высоко. Кроме того, рецензенты этих журналов также, как правило, получают образование и работают в США, поэтому можно ожидать, что подобная социализация создала у них представление о хорошем исследовании, которое может отличаться от того, чему учат в других странах.

Так как публикация статьи в самых престижных топ-журналах — весьма трудоемкий процесс, я думаю, что они более всего необходимы будущим топ-ученым в начале их карьеры, если они хотят работать в институтах, где такие публикации имеют большое значение. Если же вы не были обучены тому, как писать такие статьи, если вы работаете над темами, которые вряд ли интересны читателям этих журналов, или если вы имеете настолько хорошую репутацию в науке, что не нуждаетесь в публикации в этих журналах для упрочения своего престижа — вероятно, вам лучше посмотреть на другие журналы. Расскажу почти анекдотический случай. Коулмен однажды сказал мне, что он прекратил посылать свои рукописи в *American Journal of Sociology* и *American Sociological Review*, потому что «цена» за то, чтобы их приняли, с точки зрения требуемых редакцией различных многочисленных исправлений, по мнению Коулмена, перевешивала «предельную полезность» от их публикации.

— *Вы когда-нибудь встречались с советскими социологами в те времена, когда существовал «железный занавес»?*

— У меня, к сожалению, никогда не было контактов с российскими социологами в те годы. Несмотря на то, что Стокгольм находится очень близко от России, у нас не было никаких контактов или сотрудничества с российскими социологами.

— *Бывали ли Вы когда-нибудь в постсоветской России? Какое впечатление у Вас сложилось от страны, ее ученых, молодых социологов?*

— Международный секретариат Мирового исследования ценностей, WVS, расположен в моем институте. Это обстоятельство позволило мне установить связи с современными российскими политологами, психологами и некоторыми социологами. Я участвовал в конференции в Санкт-Петербурге в 2012 г. Молодежь, выпускающаяся сегодня из лучших российских университетов, производит впечатление хорошо обученной и знакомой с ведущими международными учеными и научной литературой.

— *Играет ли, на Ваш взгляд, социология важную роль в обществе? Полагаете ли Вы, что эта роль растет, или, напротив, идет на убыль? Какова роль аналитической социологии в сравнении с другими направлениями социологии?*

— Если посмотреть в более длительной перспективе, ясно, что роль социологии снизилась. Раньше социологи намного больше участвовали в общественных дебатах, их взгляды принимались во внимание намного более серьезно, чем сейчас. Сегодня мне представляется, что большинство социологов вытеснены из дебатов, поскольку их взгляды либо не интересны, либо слишком политизированы, чтобы принимать их серьезно. Такое развитие социологии заслуживает большого сожаления, и изменить сложившуюся ситуацию будет очень трудно, т. к. существуют понятные причины, почему так много людей вне социологии считают, что социологов нельзя воспринимать всерьез. Серьезные социологи часто просто теряются среди огромного числа людей, которые используют свое профессиональное звание для продвижения своих политических целей. Аналитическая социология может изменить данную ситуацию, но у меня нет больших надежд на серьезные изменения в ближайшем будущем. Кажется, образовалось устойчивое равновесие с очень неблагоприятными последствиями для социологии и для качества публичного дискурса.

— *Каковы главные темы Ваших исследований сегодня? Вы участвуете в национальных и международных исследовательских проектах за пределами Вашего института?*

— Год назад я получил большой грант от Европейского исследовательского Совета (ERC) для того, чтобы продолжить развитие теоретических оснований аналитической социологии и ее вклада в развитие эмпирических исследований. Именно этим я и еще несколько коллег по Институту в настоящее время и заняты. Мои главные соратники в теоретических частях проекта — Петри Иликоски (Petri Ilikoski) из Университета Хельсинки, Питер Бирман (Peter Bearman) из Колумбийского университета, Нью-Йорк, и Джанлука Мадзо (Gianluca Mazo) из Сорбонны. Эмпирическая часть проекта посвящена процессам сегрегации, и мои ближайшие коллеги в этой части — Роберт Мэйр (Robert Mare) из университета Калифорнии в Лос-Анджелесе и Дэвид Самптер (David Sumpter) из Уппсальского университета. Хотя исследовательская группа у нас международная, главным образом мы изучаем Швецию, потому что Швеция — одна из немногих стран мира, где имеются данные, необходимые для нашего эмпирического исследования.

— *Что бы Вы могли рекомендовать молодым социологам в России, которые мечтают стать первоклассными профессионалами?*

— Старайтесь получить максимальную пользу от глобализованного мира, старайтесь провести какое-то время в самых лучших университетах в России и за ее пределами. Для молодых социологов в России, как и везде в других странах, также очень важно знать, что наука требует величайшей преданности. Нужно много и усердно работать, чтобы стать первоклассным профессионалом. Не жалейте времени на изучение социологического канона и чтение книг далеко за пределами границ вашей собственной специализации, если вы хотите стать известным социологом.

— *Профессор Хедстрём, у Вас есть хобби?*

— У меня замечательная дочка Ана, которой недавно исполнилось три года. Она занимает почти все мое вне рабочее время. Я не уверен, можно ли назвать

Интервью с профессором Питером Хедстрёмом

проведение времени со своей семьей «хобби», но именно это я и делаю в то время, когда не занят социологией. Моя жена Ребекка Ибарра Оливарес родом из Мексики. Она защитила докторскую диссертацию (PhD) в Оксфорде, и ее академические интересы очень близки моим собственным. Обычно я также читаю множество романов и слушаю музыку, но по понятным причинам в последние три года на это оставалось намного меньше времени, чем раньше.

— *Большое спасибо за интервью!*

*Интервью провела и перевела с английского
проф. Л.Г. Титаренко (Упсала-Стокгольм, 2013)*

Литература

Coleman J. *Foundations of Social Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Elster J. *Explaining Technical Change: a Case Study in the Philosophy of Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Elster J. *Sour Grapes: Studies in the Subversion of Rationality*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Elster J. *Ulysses and the Sirens*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

Hedstrom P., Ylikoski P. Causal mechanisms in the social sciences, *Annual Review of Sociology*, 2010, 36, pp. 49–67.

Hedström P. *Dissecting the Social: On the Principles of Analytical Sociology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Lipset S., Rokkan S. *Party systems and voter alignments: Cross-national perspectives*. Toronto: The Free Press, 1967.

Shelling T. *Micromotives and Macrobehavior*. W.W. Norton and Company, 1978.